

Е Л Е Н А С Ъ Я Н О В А

ГИТЛЕР

– директория

Елена Съянова
Гитлер_директория

Серия «Документальный роман»

16+

Название этой книги требует разъяснения. Нет, не имя Гитлера — оно, к сожалению, опять на слуху. А вот что такое директория, уже не всякий вспомнит. Это наследие DOS, дисковой операционной системы, так в ней именовали папку для хранения файлов. Вот тогда, на заре компьютерной эры, писатель Елена Съянова и начала заполнять материалами свою «Гитлер_директорию». В числе немногих исследователей-историков ее допустили к работе с документами трофейного архива немецкого генерального штаба. А поскольку она кроме немецкого владеет еще и английским, французским, испанским и итальянским, директория быстро наполнялась уникальными материалами. Потом из нее выросли четыре романа о зарождении и крушении германского фашизма, книга очерков «Десятка из колоды Гитлера» (Время, 2006). В новой документальной книге Елены Съяновой круг исторических лиц становится еще шире, а обстоятельства, в которых они действуют, — еще интересней и неожиданней.

Томография Зла

Жить было бы легко и приятно, если бы Зло приходило в этот мир непосредственно из преисподней, да еще с четкими опознавательными знаками. Дьявол предъявлял бы свои рога и запах серы, нацисты носили бы коричневые рубашки и повязки со свастикой, а для убедительности держали бы в руках окровавленный топор. Но жизнь не такова, в ней легко обмануться. Особенно нам, в нашей стране, где Зло за последние сто лет принимало самые удивительные формы, росло и било нас изнутри и снаружи. Нам не хватит пяти органов чувств, чтобы вовремя оценить опасность. Нужны приборы потоньше и поточнее. Вот Елена Съянова и предлагает нам подробную томограмму Зла.

Попытаться понять, увидеть и прочувствовать, как, например, вполне неплохие парни, авиаторы и храбрецы, почти ремарковские три товарища, превращаются в строителей чудовищной машины убийства и подавления. Гесс, Геринг и Лей возводят кровавый театр Адольфа Гитлера и самозабвенно в нем играют.

Попытаться понять и увидеть, как высоколобые интеллектуалы и мистики, брезгливо морщась, шагают в ногу с тупыми мясниками, как тонкие эстеты с ранимыми душами изощрялись в пропаганде и водили за нос миллионы людей, в одночасье превращавшихся в бессмысленную ликующую толпу.

Когда я читаю книги Елены Съяновой, мне всегда тревожно. Можно ли без опасности для собственной жизни и собственного разума проникнуть внутрь разлагающегося сознания и взглянуть на мир из голов этих людей, через их глазницы?! Страшно ведь даже на время забыть все то, что мы знаем, все то, что пережили наши отцы, матери, бабушки и дедушки. Страшно. Для этого нужно немалое мужество. Но у Елены Съяновой есть и мужество, и талант, и замечательное, острое зрение. Я бы даже сказал «визионерство», если бы не опасался попасть в «не те» сферы. Дело в том, что в книгах Съяновой документ и реконструкция, поддерживая друг друга, образуют невероятно убедительную картину эпохи. Есть детали, которые нельзя найти в архиве, нельзя и придумать. Их можно только увидеть.

«Гитлер_директория» примыкает к трем романам: «Плачь, Маргарита», «Гнездо орла» и «Каждому свое». Скорее даже не примыкает, а проникает, прорубая в них новые ходы, и освещает уже прорубленные. Здесь Елена Съянова время от

времени показывается в своем собственном обличье — как писатель и историк — и говорит с нами напрямую. Здесь она — хор трагедии, который и переживает, и отстраняется от происходящего, и напоминает нам «будущее прошедшего».

В новой книге Елена Съянова демонстрирует и еще одну редчайшую способность — она заставляет документ заговорить, да так, что порой дух захватывает.

И завершу той же мыслью, с которой начал. И нам, и нашим детям Зло будет являться в разных, зачастую никак не распознаваемых формах. Более того, и мы, и дети, и внуки рискуем стать орудием этого неопознанного Зла. Кто знает, к каким мифам обратятся новые гитлеры и гиммлеры? Какие новые руны, иероглифы и пиктограммы будут они по-своему трактовать и использовать?!

Они ведь сумели сделать чудовищной древнюю мирную свастику, символ солнца, так кто же им помешает превратить в символ разрушения и смерти что угодно, даже дорожный знак? Они могут искать не Грааль и не Шамбалу, а хотя бы невидимый Китеж-град, не копье Лонгина, а Кашееву смерть... И кто знает, какой мелодией станет завлекать наших детей новый Крысолов? Страшно... Потому что неведомо.

Но, возможно, некоторую ясность сумеет-таки внести, а значит, и дать нам хоть какое-то оружие в руки эта мужественная книга Елены Съяновой. Ее томограмма Зла.

*Сергей Бунтман,
первый заместитель главного
редактора радио «Эхо
Москвы»*

ГЛАВА 1

ДОБЫЧА ШАРЛАТАНА

1

Обыкновенная мюнхенская улица, ничем не примечательный особняк, плотные занавеси на окнах. Внутри девять комнат, ковры с масонской символикой, гобелены со свастиками, поверх которых девизы, написанные черной краской; каждая буква обведена золотой каймой: «Помни, что ты немец! Держи свою кровь в чистоте!». Или — «Германия, проснись!».

Ничего необычного для Германии 1919 года.

Таких квартир в одном только Мюнхене десятка три: вместо свастик орлы, молнии или черепа; вместо «Германия, проснись!» — «Германия, воскресни!», красными буквами... Сходство в выражении лиц посетителей, в произносимых словах, в настроении...

Но перст судьбы никогда не тычет вслепую.

Хозяин этой квартиры еще до Первой мировой войны, зачитав до дыр Блаватскую, открыл для себя обетованную землю своих арийских предков — арийскую Атлантиду — Туле, которую упоминал еще греческий географ Пифей. С тех пор у парня началось раздвоение личности. Первую звали Рудольф Глауэр. Он был и оставался сыном простого работника-машиниста из Дрездена, честолюбивым и трезвым. Вторая громко именовала себя графом Генрихом фон Зеботтендорфом, рыцарем Тевтонского ордена и слыла философом, театралом и патриотом.

«Тевтонский орден одряхлел и погряз в ритуалах; масонство на пути вырождения... Мы создадим свой орден, чтобы освободить немцев, уравнивать избранных, и так мы станем братья», — говорил этот человек.

В конце 1918 года он впервые собрал у себя дома нескольких офицеров, журналистов, двух преподавателей университета и одного поэта и произнес перед ними речь. Через неделю он собрал их снова и устроил ритуал посвящения в новый «орден» под названием «Туле». С тех пор так и повелось: перед новичками, как правило в числе десяти человек, фон Зеботтендорф произносил речь, правда, уже не у себя дома; затем, после повторной проверки каждого, отобранные, в основном по статусному и расовому признаку, приглашались в тот самый особняк и проходили обряд посвящения. Над этим обрядом, безусловно,

поработали оба: и мистик-граф, и сын машиниста: здесь был и мало кому понятный «отказ от арфы», полстакана бычьей крови и три последовательных плевок на три слова: «свобода — равенство — братство». Плюнуть на третье слово посвящаемому, как правило, было уже нечем, но это так и задумывалось.

Через год, в 1919 году, мюнхенский филиал «ордена Туле» насчитывал около двух сотен человек, однако к концу года приток новичков стал довольно хилым. То ли веселый Мюнхен исчерпал себя, то ли подули новые ветры... В феврале магистр произносил речь всего перед четырьмя парнями:

— Из «верденской мясорубки», без рук и без ног, с выжженными глазницами и сердцами, налитыми злобой, вы вернулись на землю, урезанную и оскверненную. Где ютиться германскому духу? Где ему черпать силы? Я укажу вам эту землю. Но не ищите ее на картах, дайте ей место в сердцах своих, и мы возродимся...

Пока фон Зеботтендорф, скрестив руки в соответствии с руническим знаком лак, говорил, Глауэр нервничал и присматривался.

По поводу первого новичка грызни между двумя ипостасями не случилось: юноша по фамилии Флик, высокий, белокурый и сероглазый, — идеальный экземпляр, однако будь он хоть зеленым карликом, все равно был бы принят, поскольку являлся сыном самого Фридриха Флика, металлургического короля. Второго — черноволосого, угрюмого молчуна по прозвищу Русский за то, что учился в Москве, звали Альфред Розенберг. Глядя на него, фон Зеботтендорф морщился, но Глауэр напомнил своему alter ego, что парень неплохо пишет и что собирать немцев со всех краев света — великое дело. «Мы — разделенный народ, помни это!» — сам себе напоминал фон Зеботтендорф. Розенберга приняли.

Глауэр принял бы и третьего — графа Арко-Валли, но этот молодой офицер — белокурый и синеглазый — был с большой примесью еврейской крови, и тут фон Зеботтендорф сказал твердое «нет». По поводу четвертого ипостаси сошлись: летчик, два Железных креста, ранение под Верденом, зеленые глаза и квадратная челюсть — тип скорее ирландский, наследник крупной торговой фирмы. Зовут Рудольф Гесс.

Через неделю, проговорив слова клятвы, хлебнув бычьей крови, плюнув и прочее, трое сделались обладателями

заветного символа «ордена Туле» — значка со свастикой, мечом и венком. А отторгнутый граф Антон Арко-Валли позвал друзей — лейтенанта Рудольфа Вагнера и студента Рудольфа Гесса в мюнхенский ресторан «Байерише Хоф» и, хлебнув французского коньяка, долго говорил им о Блаватской, о Гербигере и его «Ледниковой космологии», о лунах, о полной земле, о свастиках на ступнях Будды и свастиках на развалинах синагоги в Тивериаде, об истинном братстве истинно избранных... Когда друзья, пораженные широтой его познаний в области, в которую сами только вступали, попытались его успокоить, он стукнул кулаком по столу и, поднявшись, поклялся — пройти посвящение единолично.

— И не на телячьей крови... сами ее глотайте — тешьте себя! — кричал пьяный граф, пока Вагнер и Гесс его выводили. — Я вам покажу пример! Не я, так мое дело с вами останется!

— Подумай, какая связь между бредом Блаватской, какими-то фантазиями какого-то Гербигера и нашей оплеванной, умирающей страной?! — старался урезонить его Гесс.

— Ты слишком трезв. Трезвым не изменить мира! Какая связь?.. Я вам покажу — какая, — был ответ.

2

Во время зимней сессии 1919 года бывший генерал рейхсвера, а теперь профессор Мюнхенского университета Карл Хаусхофер, принимая зачет у очередного студента, внезапно поднял брови и пристально взгляделся. Этот первокурсник был в форме Добровольческого корпуса, с двумя Железными крестами, а слева, почти под самым воротником у него был приколот значок: черная свастика с мечом и венком.

— Снимите, — быстро, почти не разжимая губ, потребовал Хаусхофер.

У него у самого под пиджаком имелся такой же — знак «ордена Туле», который не полагалось афишировать.

Этим же вечером профессор и студент снова сидели друг против друга в университетском кафе.

— Я, признаюсь, сначала подумал, что вы таким способом хотите получить зачет, — пошутил Хаусхофер.

Но студент не поддержал шутиwego тона. Он еще крепче сжал тонкие губы; взгляд сделался острее и нетерпеливей.

— Хорошо, — кивнул Хаусхофер, — поговорим.

Они проговорили не один этот вечер; еще много вечеров и ночей учитель станет разъяснять своему понятливому ученику Рудольфу Гессу множество удивительных вещей. Но главное — поделится с ним своим разочарованием — в строго научном знании, в возможностях и перспективах современной науки. И даже не столько в ней самой, сколько в ее методах. «Иррациональное — вот ключ к рациональному, который немцам стоит теперь попробовать, — скажет Хаусхофер, и Гесс примет это. Раз и навсегда.

Магистр «Туле» фон Зеботтендорф особенно ценил таких людей, как Хаусхофер, умевших всему придать наукообразную форму, и еще — таких, как мюнхенский поэт Дитрих Эккарт, пьяница и романтик, знаток германской истории и автор боевого клича «Германия, проснись!».

В начале февраля Эккарт, по просьбе магистра, повез нескольких посвященных, в том числе Гесса и сына Хаусхофера Альбрехта, в Баварские Альпы, к «свирепому пророку», автору доктрины «Вель» («Вечного льда») герру Гербигеру, ютившемуся тогда в скверном домишке, нависшем над пропастью.

Белобородый, экспансивный, изголодавшийся по общению «пророк» метался по душной комнатенке и выкрикивал свои «истины» о борьбе льда и пламени, о пятой луне, о «высших неизвестных», но стоило только кому-нибудь из гостей открыть рот даже не для возражения — для вопроса, как тут же слышалось резкое — «Мауль цу!» (Заткнись!).

«Среди этих его нет, — заявил Гербигер на прощание Эккарту. — Привози еще. Я не успокоюсь, пока не найду».

Все-таки пророк был тяжелым человеком! Магистр представил ему на смотрины десятки претендентов, среди которых оказалась и женщина-медиум по имени Мария Отте, но тот всех забраковал. Дело было в том, что Гербигер обещал, применяя свои особые методы, воспитать настоящего вождя для публичных выходов, своего рода представительское лицо — человека, который смог бы удерживать внимание толпы при помощи магических жестов и телодвижений. «Если предоставите материал», — так было сказано, вполне по-деловому. И с тех пор ни с места. Фон Зеботтендорф злился, а его alter ego — Глауэр вообще считал, что старый хрен валяет дурака и ничего от него не добьешься.

А время поторапливало. Существование в Баварии советской республики, активность коммунистов грозили свести на нет все усилия националистов-мистиков. Смущали и упаднические настроения в самом ордене. Его приносили

молодые фронтовики, такие как Рудольф Гесс. Они, видевшие смерть, смотрели на исторические изыски и мистические ритуалы лишь как на оправу к сути, к делу. А где оно, дело?

Этот вопрос Гесс задал напрямую. Фон Зеботтендорф обещал дать ответ.

Он дал его, приняв в орден двух новых членов — Антона Дрекслера и Карла Харрера, сопредседателей Немецкой рабочей партии. Ни того, ни другого Гербигеру не стоило бы даже показывать: лишенные ораторских способностей, оба, тем не менее, сумели сколотить по небольшой группе из крепких рабочих парней, а объединившись, вполне могли называться партией.

С их приходом по заповедной земле Туле точно пробежал свежий ветерок. Изыски из древней истории, ритуалы, медитация и прочие удовольствия были задвинуты на третий план. Харрер, едва приняв посвящение, поставил вопрос о терроре. Дрекслер обещал влить в орден свежую кровь — «белокурых бестий» с крепкими кулаками. Когда магистр спросил, нет у него на примете кого-нибудь, склонного к лицедейству и поболтливой, Дрекслер усмехнулся: «Есть один наглец. Нелепее фигуры трудно вообразить, а туда же! В орден его пускать нельзя. Зато ваш “пророк” — зуб даю — ухватится за него обеими руками».

3

Пивнушка была жуткая. Накурено так, что щиплет глаза; повсюду грязные кружки из-под пива, озлобленные лица, хриплые голоса; кто-то горланит похабную песню... Местечко из тех, какими пугают маленьких детей. Ораторы сменялись один за другим; они срывали голоса, но никто не слушал: здесь ораторами были все. А этот парень был непохож: он стоял молча. Как соляной столб. Даже серо-голубые глаза казались какими-то застывшими. Но все больше беспокойных взглядов стягивалось к этой невзрачной фигуре, и постепенно смолкали голоса. Тогда он заговорил. Сначала тихо. Точно просил о чем-то. Потом чуть громче, буквально выкрикивая отдельные слова. Через минуту он уже метался как в бреду, выбрасывая вперед руки. Внезапно его голос визгливо взвился к потолку и ринулся вниз таким жутким ревом, точно на головы присутствующим обрушилась стая диких зверей. Все невольно присели. Он еще два раза выкрикнул что-то и затих. А пивная взорвалась! Опять все вскочили, кричали, шумели гремели кружками, выплескивая пену. «Это он, он, Гитлер!» — едва успел

крикнуть своей спутнице Рудольф Гесс. Одна из кружек, оставляя за собой хвост, как комета, полетела в этого Гитлера, но случился недолет: остатки пива выплеснулись ему на брюки. Вторая кружка угодила точно в лоб... Гессу, который, метнувшись наперерез, преградил ей путь. Пиво и кровь, перемешавшись, смыли сознание...

К дракам в пивных Мюнхена полиция привыкла. Однако в конце 19-го года было дано указание взять пивную «Бюргербройкеллер» под особый контроль. Командирам подразделений, выезжавшим на инциденты, было приказано не арестовывать парней с членскими билетами Немецкой рабочей партии. Некоторые из командиров, состоявшие на хорошем счету у начальства, например, расторопный новичок Генрих Мюллер, получили разъяснение: этой партией заинтересовалось командование и сам бывший 1-й генерал-квартирмейстер Эрих фон Людендорф, недавно вернувшийся в фатерланд из вынужденной эмиграции.

В последней драке в пивной «Бюргербройкеллер» Мюллер арестовал пятнадцать человек. Пятеро были коммунисты; девять — с билетами Немецкой рабочей партии, а еще один, как утверждали его товарищи, забыл свой билет дома. У этого парня была сильно разбита голова. Один из его товарищей вызвался принести его билет, что вскоре и сделал. Мюллер, правда, все понял, поскольку билет был явно только что сляпан, но... какая разница — Рудольфа Гесса, «члена Немецкой рабочей партии», по инструкции следовало отпустить вместе с остальными.

— Вот вы и прошли боевое крещение, — сказал Гитлер Гессу, когда тот очухался после удара по голове. — Теперь мы можем на вас рассчитывать?

— Вы... Вы можете, — отвечал Гесс.

У него все еще сильно кружилась голова. Его спутница и сокурсница Эльза проводила его до дома Хаусхофера. Профессор вызвал врача. Впервые во взгляде учителя Гесс заметил холодное презрение. Когда на следующее утро вместе завтракали, Хаусхофер прямо сказал, что не одобряет решения магистра «Туле» фон Зеботтендорфа иметь дело со всякой шпаной.

— Мы замыслили великое дело, Руди, — выстроить мост из сакральных знаний предков, который позволит нам, минуя настоящее, шагнуть в будущее. Мы должны создать такое государство, которое своей волей сумеет осуществить этот замысел. Для этого нужен мессия... Только не говори мне про этого Гитлера! — вдруг сердито выкрикнул обычно

сдержанный Хаусхофер. — Нам нужен мес-си-я! Тот, кто посредством величия духа соединит земное с небесным! Или хотя бы сыграет такую роль! А этот — видел я его — недоучка, истерик, с оловянными глазами, бонапартишка из пивной! Где твои глаза, Руди?! Где твоя голова?! — он небрежно кивнул на забинтованный лоб Гесса: — Смотри, в этих пивных совсем тебе ее снесет!

— В самом деле, мои дорогие, ведь подобные игры опасны, — фрау Марта Хаусхофер, обращаясь к Рудольфу и сидящему тут же своему сыну Альбрехту, раскрыла свежую газету. — Вот, взгляните. Такой милый мальчик, романтический, мечтал об экспедиции на Тибет. Я знаю его родителей. Что теперь с ним будет?!

В то февральское утро мюнхенские газеты сообщали об убийстве главы советского правительства Баварии, «красного диктатора» Курта Эйснера... молодым офицером, графом Антоном Арко-Валли, тем самым, что за примесь в крови не был принят в «Туле».

И тем же вечером, сидя в своей комнате, Рудольф Гесс писал будущей жене Эльзе:

«Прочти “Эннеады” бессмертного Плотина. Как он созвучен нордической науке! Мы забыли о магической связи со Вселенной, а она жаждет только привести нас в гармонию с собой! Все должно быть связано, все!.. Я понял теперь, что своим поступком сказал мне Арко-Валли: “Там, где связь пока не видна, следует просто окрасить ее — кровью”».

4

«Мифы — это витамины духа». Герр Гербигер, автор доктрины «Вечный лед», не церемонясь, срывал такие фразы у всевозможных авторов, чтобы варить из них собственное ученье. «Свирепый пророк» становился тихим и задумчивым, когда гулял со своим учеником по горному лесу. Произнося монологи, Гербигер постоянно что-то собирал: травы, почки, ягоды, а затем, у себя на кухне, готовил из них супы, отвары и жаркое из корней и заставлял Гитлера есть. Поэтому больше трех дней Гитлер в гостях у Гербигера не выдерживал: он как-то признался Гессу, что, оставшись на четвертый, начал испытывать зверское желание приготовить себе завтрак из самого пророка.

Но это были не единственные мучения. Ганс Гербигер отказывал своему ученику в серьезных теоретических беседах, пока тот не прекратит «махать руками». «Ты мелешь воздух, как мельница, перемалывая собственную энергию,

дробя ее впустую. Руки должны быть замком. Глаза щупальцами. Голос — извержением, оплодотворяющим толпу...» — внушал Гербигер в очередной раз, ставя Гитлера перед низенькой обшарпанной стенкой террасы, опасно нависающей над пропастью. «Там, там, — тыкал он пальцем вниз, — там Германия! Туда говори». Гитлер говорил, изо всех сил стараясь унять руки, однако тут же начинало метаться остальное тело, и пару раз он едва не навернулся с двух сотен метров. Наконец Гербигер плюнул, и тогда появился... ящик. Внешне он был похож на высокую, узкую трибуну. Встав в него, Гитлер начал говорить, думая, что стенки только ограничат разгул его рук, и внезапно взвыл от боли. Стоило ему только привычно податься назад, как в спину и пониже что-то впилося; он дернулся было в бок, и правое плечо точно прошило. Весь ящик изнутри оказался утыкан жуткими тонкими иглами, позволявшими, как позже выяснилось, двигать только руками и только по заданной траектории. А лучше было вообще держать их замком там, где мужчине и положено.

Нет, Гербигер не ошибся, предпочтя этого парня остальным. Весь белый и мокрый от напряжения и боли, Гитлер упорно, раз за разом устраивал себе эту «инквизицию» и достиг результата. Вскоре «ящик» был отменен и отправился в сарай, до следующего «ученика». А в тело Гитлера точно вставили штырь. Гербигер, правда, называл это по-другому. Он говорил: «Вот теперь, Адольф, ты пустил корни, и тебя пришлось бы выкорчевывать. Но еще поглядим, отыщется ли такой садовник теперь, когда я начну учить тебя по-настоящему».

Гитлер менялся, когда начинал говорить; это замечали все. Но в остальном оставался прежним. «Мелкий себялюбец, честолюбивое ничтожество» — других определений для него у сопредседателя Немецкой рабочей партии Антона Дрекслера не было. И вот этот «мелкий» — Дрекслеру он был по плечо — принялся активно его подсаживать. Каким-то чудом ему удалось сделать две вещи: во-первых, буквально влюбить в себя уважаемого Рудольфа Гесса, связанного с серьезными денежными людьми; во-вторых, держать на коротком поводке свирепого гомосексуалиста Эрнста Рема, штабиста 7-го военного округа.

Рем, краснолицый, шумный, улыбчивый сангвиник, всюду таскался со своим охвостом: все, кто попадал в поле его внимания, в конце концов туда встраивались. Единственным исключением стал Гесс, по уши влюбленный в красивую

девчонку по имени Эльза Прэль. Это только подхлестнуло нежные чувства Рема, и он стал смотреть на Гесса с таким вожделием, что Дрекслера тошнило. Сам же Гесс с непостижимым для сопредседателя партии восторгом взирал на Гитлера. И вот там, где любой другой наверняка проиграл бы, Гитлер умудрился выиграть, использовав Гесса, скрутил и намотал себе на руку волю Эрнста Рема.

На очередном заседании комитета партии, когда передача руководства от одного сопредседателя к другому должна была пройти как формальность, именно Рем вдруг потребовал выборов. Гесс его поддержал. Гитлер молчал, скромно потупившись. Молчали и остальные члены комитета. Дрекслеру пришлось напомнить, что его Комитет независимых рабочих, объединившись с Политическим союзом рабочих Харера, и составил собственно партию — НРП, и если кто-то желает присвоить себе чужие заслуги... Тут Гитлер вскочил... Однако вместо обычной клоунады с воплями и дерганьем всех конечностей вдруг заговорил твердо и здраво: дело не в председателе... это потом. Дело в ясной концепции и способности ее популяризировать. Для начала собрать большой митинг и заявить о себе. Купить или основать газету. Нужен прорыв. Мы должны действовать как штурмовой отряд. А кто пойдет во главе — неважно. И еще. Правительство красных нам пока не по зубам. Пусть их свергают другие. Мы, НРП, должны выесть под коммунистами их основу — рабочих, увлеченных социализмом. (Он так и сказал — «выесть».) И закончил тоном учителя, утомившегося разъяснять истины тупым ученикам: «Не о председательстве я помышляю, друзья мои, а о программе».

«Или сей же час выкинуть этого актеришку из партии, пока я еще могу... Или он сам тут все “выест”», — сказал себе Дрекслер.

Но сила захватившей его ненависти и какого-то жутковатого предвиденья так не соответствовали реальным обстоятельствам, что он... промолчал.

5

Весна 20-го не принесла Германии облегчения. И хотя война была окончена, немцы никак не могли зажить в гармонии с природой: март стоял солнечный, лопались почки; бульвары дразнили унылых мюнхенцев яркими узорами из фиалок и крокусов... Но даже здесь, на мягком и приветливом юге, люди были мрачны: старики унылы, молодые озлоблены. У

Германии, какой она вышла из войны и Версаля, не было будущего — это понимали все. Но, виновная перед всем миром, Германия еще сохраняла гордость. Она, как попавший в сети дикий зверь, совершала беспорядочные, на первый взгляд, телодвижения, не то выдираясь на свободу, не то сильнее запутываясь. Германия вступала в полосу путчей.

В течение недели страну судорогой сводили попытки Каппа, Эрхарда и Людендорфа, двинувших Добровольческий корпус и части рейхсвера на Берлин, свергнуть коалиционное правительство Веймарской республики. Вершиной этого путча, названного потом «Капповским», был захват Берлина, отъезд в Штутгарт президента Эберта и провозглашение журналиста Вольфганга Каппа военным диктатором.

Прожженный бюрократ и трус Эберт намеревался просто прикрыть лохмотья на израненном теле Германии добротным сюртуком буржуа; милитаристы, вроде Людендорфа, — снова натянуть ей на голову стальной рыцарский шлем. Против того и другого восстал здравый смысл немецкого пролетария, на которого плевать было всем. В Германии началась всеобщая забастовка; около пятнадцати миллионов человек сказали путчу нет; путчисты залили Рур кровью, но и сами канули в «лету национального позора». После этих событий Независимая социал-демократическая партия Германии начала стремительную трансформацию в Коммунистическую партию, и все попытки высоколобых экономистов доказать, что социализм как общественный строй нежизнеспособен, провалились. Социализм сделался национальной идеей немецких рабочих — той единственной силы, которая, осознав себя, могла бы решать судьбу страны.

«Я знал, что делал, еще 20 февраля потребовав переименования Немецкой рабочей партии в Национал-социалистическую рабочую партию, — радовался Гитлер. — Я знал что делал, втолковывая вам мои 25 пунктов, в которых собрано все, все, черт подери, что может привлечь массы. Вы еще не поняли, как это важно, чтобы в программе партии было собрано все?!»

Он теперь постоянно ходил, выгнув назад спину и с какой-нибудь книгой под мышкой, вроде «Заката Европы» Шпенглера, «Народа без пространства» Гримма или «Третьего рейха» Ван ден Брука, который так пророчески писал о немцах: «Мы были тевтонами, мы стали немцами, мы будем европейцами». Еще Брук писал, что «Первый рейх — это Священная Римская империя Карла Великого; Второй — Империя Бисмарка, а третий должен стать федеральным,

христианским и европейским государством». Гитлер же переврал эти слова таким образом: «Первый рейх, — внушал он партийцам, — это Бисмарк, второй — Веймарская республика, а третий... третьим буду я». У большинства его слушателей в 20-м году на такую наглость несколько отвисала челюсть; в тех же, кто пытался возразить, камнем летело фирменное «Мауль цу!». Это был период, когда Гитлер присвоил манеру Гербигера и постоянно орал на соратников; исключения составляли очень немногие, например Гесс, который на заявления типа «Третий рейх — это я», реагировал так: «По сути верно, но по форме... преждевременно, Адольф».

Магистр «Туле» фон Зеботтендорф благословлял тот день, когда, вняв совету Гербигера, не предложил Гитлеру вступить в орден, несмотря на нажим Гесса и Розенберга. Гитлер обладал одним свойством, которое составляло предмет борьбы самого фон Зеботтендорфа с собственным «вторым я», — он всюду привносил пошлость.

Весной 20-го, невзирая ни на какие политические смуты, фон Зеботтендорф думал о снаряжении двух «экспедиций»: одну в Шотландию, в замок Росслин, где, по преданию, в одной из колонн была замурована чаша Грааля. Другую — в Вену, с целью выкрасть у австрийцев «копье Оттона», или «копье Лонгина» — то самое, которым римлянин Кассий Лонгин ткнул под ребро распятого Христа. Ах, это копье, выкованное, по преданию, с соблюдением всех мистических ритуалов, — кто только им не потрясал! Иисус Навин сокрушил им стены Иерихона... Ирод Великий, Оттон Великий, Константин Великий и Карл Великий побеждали, держа его в руках. Только Наполеон сплеховал: по легенде, копье у него украли перед самым походом на Москву.

Теперь фрагмент этого копья в виде ржавого куса металла без толку пылился в венском музее Хофбург. Экспедиция туда, правда, готовилась скорее как грабеж со взломом. Но недаром фон Зеботтендорф столько лет боролся со своим плебейским alter ego. Магистр научился все окружать возвышенной тайной и подбирать таких исполнителей, которые, даже грабя музей, сумеют остаться на недосягаемой для простых смертных моральной высоте.

В Шотландию вызвался отправиться Гесс. Сделать это он собирался открыто, например, под предлогом установления какого-нибудь летного рекорда. Весной 1920 года офицер Добровольческого корпуса Рудольф Гесс не принимал участия ни в каких глупых пугчах, а усиленно тренировал свои

навыки летчика, заодно разбрасывая антисемитские листовки над рабочими митингами. Мифы мифами, но нужно было и дело делать.

6

«— Мы нация войны. Но материальная, механическая война — это только внешняя форма. Мы проиграли такую войну потому, что были слепы и глухи к той войне, что велась в ином мире, за кулисами внешних событий. Мы дрались, как дети, не услышав подсказки взрослых. Мы победили бы, если бы услышали их голоса — голоса наших богов, желавших сделать нас современниками будущего. Запомни — войны тел есть прикрытие войн за души. Но чтобы стать полководцем в такой войне, ты должен войти в мир, где картезианский разум больше не сливается с реальностью...» — Гербигер продолжал говорить... Гитлер продолжал слушать... Но, как это постоянно теперь случалось, его понимание наглухо заклинило незнакомое слово. На этот раз слово было — «картезианский». С этого места все, что скажет Гербигер, придется просто запоминать, чтобы после разобраться самому.

Вернувшись в Мюнхен, Гитлер полез в словарь и нашел там толкование: картезианцы — монашеский орден, XI век, французские Альпы, долина Шартрез. Ну и... чего там эти монахи придумали, какой такой особый разум?

Хорошо, под рукой всегда был теперь всезнающий Гесс, который сказал: «Да нет, монахи тут ни при чем. Carthesius — так по латыни произносится имя Декарт».

Именно теперь, в начале 20-х, Адольф Гитлер проклинал свою безалаберную молодость, из которой вышел тридцатилетним недоучкой.

Вообще, стоило только сунуть в политику нос, как все стало трудно, труднее, чем он ожидал. Он всегда был одиночкой, индивидуалистом, «пастухом». Но прежде чем вернуться в эту единственно возможную для себя форму существования и уже не в воображении своем, а наяву погонять стадо, нужно было самому пожить в нем, усвоить его законы, выучить себя им подчиняться. А как иначе познать механизмы подчинения, если не пропустить их через собственную плоть?! Так учил Гербигер. И после утыканного иглами ящика, но уже не в ущерб теоретическим беседам, «пророк» предложил своему ученику пройти следующую ступень, как он это называл, «врастания в вожди». «Ты делаешь много глупостей, Адольф, — сказал он. — Как все

дилетанты, ты самоуверен и тороплив. Ты смешон. И ты беспомощен. “Испанский сапог” — вот что нужно твоему самолюбию. И все восемь клиньев вбить».

Этой веселенькой перспективкой Гитлер поделился с Гессом. Тот возмутился, обругал Гербигера «самодуром» и «свихнувшимся инквизитором», но Гитлер велел другу прикусить язык. «Этот хрен прав, и я ему благодарен, — выдохнул он. — Помнишь, ты рассказывал, как тебя мальчишкой выдрали из семьи и поместили в интернат, в Годесберге. Как ты от одиночества выл там на луну. А по мне мать все детство только сопли размазывала».

Гесс прикусил язык еще и для того, чтобы не проговориться. От Хаусхофера он знал, что у «свирепого пророка» появился еще один ученик по имени Альберт Шлагетер. Гесс хорошо его знал по Добровольческому корпусу. Обаятельный парень, всеобщий любимец, оратор, каких поискать: Адольф при сравнении сильно ему проигрывал. Ученики, к счастью, пока не пересекались, поскольку Шлагетер проводил идеи «Туле» в городах Рурской области, оккупированной французами.

А Гитлер ходил как триумфатор. Успех первого же большого митинга, на котором он выступил, 25 пунктов, объявленные программными, приток новых членов, выход из партии Харрера, порицавшего антисемитизм и прочее, он самодовольно приписал одному себе.

6 июня, ничего не подозревая, он пришел на «расширенное» заседание комитета партии. Его не насторожила ни неожиданность приглашения, ни выбранное место — зал «Охотничьего клуба» на триста человек. Когда он вошел в зал — точно в указанное время — все места оказались занятыми, и кресла президиума — тоже. Гитлеру пришлось встать возле дверей. Он оглядел зал, принялся: говорили о дисциплине, об анархистах в партии, о каком-то «высочке»... Председатель Дрекслер возмущался по поводу всяких «не имеющих веса болтунов», «ефрейторов, тщащихся украсть маршалский жезл»... Зал бурно реагировал, соглашаясь. Гитлер почувствовал на себе сочувственный взгляд из президиума — взгляд Готфрида Федера, экономиста, подлинного идеолога и самого влиятельного члена в НСДАП. И тут его точно окатило грязной волной — он понял: говорили о нем. Зал взвизгнул от восторга, когда Дрекслер помянул «мазилку, не умеющего провести ни одной верной линии...».

Гитлер выскочил из клуба как ошпаренный. И, вильнув за угол, в буквальном смысле налетел на компанию человек из восьми. Это были бывшие леваки-спартаковцы, члены только что образованной КПГ. Недавно парни Рема подстерegli троих членов их комитета; и теперь коммунисты пришли вернуть нацистам долг и тоже кого-нибудь отдубасить.

Гитлер дрался плохо. Получив в ухо, он предпочел сбежать за подмогой.

Таким образом, два первых клина «испанского сапога», надетого на самолюбие Адольфа, были вбиты 6 июня 1920 года. Но в партийной «летописи», которую еще с весны начал вести предусмотрительный Гесс, появилась такая запись: «6 июня 1920 года мы вступили в бой, осененный волею арийских богов, и звон их мечей над нашими головами отныне будет сопровождать нас до победы».

Справа, на полях, кто-то сделал рисунок: внизу куча дерущихся тел, а над ними скрестили мечи две фигуры. Под одной — подпись неразборчива; под другой — «дух Парсифаля». Есть предположение, что рисунок сделал Эмиль Морис по прозвищу Француз, который с 6 июня станет телохранителем Гитлера, а в партийной летописи будет назван «первым солдатом СА».

7

Уже к 21-му году «орден Туле» начал приобретать характерные черты боевого авангарда Германенордена. Но пробивная активность требует отступлений от правил. Магистр «Туле» фон Зеботтендорф фактически оставил свои попытки ужесточить расовые требования к неофитам и больше не ссыался на страшную статистику деградации новых поколений немцев: скорость, с которой шел этот процесс, говорила о том, что через пятьдесят лет не менее сорока процентов немецких детей появятся на свет с умственными или физическими недостатками. В самый разгар войны, летом 1916 года, великий магистр Германенордена Герман Польше прямо поставил вопрос: какова причина стремительного вырождения немцев? Ослабляющие мужской потенциал войны, монополии, убивающие благополучие среднего класса, коррупция, беззаконие, нищета? Безусловно, так, — был дан ответ. «Но кто сказал, что выход всегда один?! — писал в 1917 году другой отец-основатель Теодор Фрич. — И кто запретит нам открыть немцам их собственный путь?!»

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru